

The background of the cover is a detailed painting. A woman in a black Victorian-style dress stands with her back to the viewer, looking out of a large, ornate window. The window is framed by intricate golden scrollwork and is partially covered by dark, gnarled vines and leaves. Outside the window, a dramatic landscape unfolds: a massive, dark, and jagged castle or fortress sits atop a high, craggy cliff. The sky is filled with heavy, dark clouds, and a bright light source, possibly the sun or moon, is visible on the horizon, casting a glow over the scene. The overall mood is mysterious and gothic.

Тринадцатая нить

Эрик Крас

Эрик Крас

Тринадцатая нить

«Автор»

2026

Крас Э.

Тринадцатая нить / Э. Крас — «Автор», 2026

Я искусствовед. Я должна была изучать картины, а не становиться частью коллекции. Но когда я упала в его мир, он спас меня, вылечил и привёл в свой замок. Теперь я — его Пряха. Я тку с ним судьбы, я вижу то, что скрыто в нитях. Я — его глаза. И я — тринадцатая. Мне нужно найти способ разорвать связь, пока он не превратил меня в очередной гобелен. Но чем больше я узнаю его прошлое, тем сильнее чувствую: он не просто чудовище. Он — тот, кто потерял всё. И если я разорву его нить, я убью его. А если я не разорву... я стану тринадцатой в его коллекции. Выбор за мной

© Крас Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ткач	5
Глава 2. Дом из нитей.	9
Глава 3. Нить во тьме.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эрик Крас

Тринадцатая нить

Глава 1. Ткач

Снег хрустел под щекой, как битое стекло. Анна не помнила, как упала. Только холод, проникающий сквозь пальто, и вой — не волчий, слишком гортанный, будто звери говорили на её родном языке.

Она приподняла голову, размазывая по лицу колючие снежинки. И замерла.

На склоне горы, за чёрными иглами елей, стояли они. Огромные, ростом с лошадь, серебряные волки. Их шерсть переливалась в лунном свете, как расплавленный металл, а глаза горели холодным голубым пламенем. Они не бежали. Они спускались — медленно, грациозно, будто знали, что жертва никуда не денется. Ветер доносил их дыхание — тёплое, звериное, с запахом прелой листвы и старой крови.

— Нет, нет, нет... — прошептала Анна, вскакивая.

Ноги проваливались в сугробы по колено. Она побежала, не разбирая дороги, только бы подальше от этих светящихся глаз. Снег слепил, лёгкие жгло холодом, в ушах стучала собственная кровь. Горный склон казался ровным, гладким, как белый лист бумаги, — оптическая иллюзия, самая коварная ловушка зимы.

Она сделала последний шаг — и земля ушла из-под ног.

Падение длилось вечность. Анна успела увидеть звёзды, перевернуться в воздухе и удариться спиной о что-то острое, корявое. Боль вспыхнула в пояснице, затем в затылке, затем — везде, огнём. Она скатилась по снежному насту, оставляя за собой тёмный след, и замерла у подножия небольшого обрыва, на дне оврага, заваленного сухим валежником.

Над ней нависла тишина. Только где-то сверху — тягучий, гортанный вой. Ближе. Гораздо ближе, чем минуту назад.

Анна попыталась встать.

Левая нога взорвалась болью, острой и мокрой. Она опустила взгляд и увидела, как снег под ней быстро окрашивается в алый. Сломана лодыжка, а может, и ребро — каждое дыхание отдавалось хрипом. Она вжалась спиной в замёрзшую землю, глядя вверх, на край обрыва, откуда свисали корни сосен, похожие на скрюченные пальцы.

И тогда над краем показалась голова.

Серебряный волк посмотрел на неё сверху вниз. Его пасть была приоткрыта, пар клубился из неё, а на клыках — застывшие тёмные разводы. Он не рычал. Он просто смотрел, словно оценивая, стоит ли спускаться за добычей или подождать, пока она сама замёрзнет.

Анна зажмурилась.

Она не услышала шагов. Только шорох — сухой, похожий на трение нитей друг о друга. А когда открыла глаза, над ней уже стоял он.

Высокий мужчина в тёмно-синем кафтане, расшитом серебряными нитями, которые шевелились на ветру, как живые змеи. Он стоял между ней и волком, и зверь вдруг опустил голову, прижал уши и попятился. Не зарычал. Не убежал. Просто... исчез, растворился в снежной массе, будто его и не было.

Мужчина повернулся к Анне. Его лицо было прекрасным — точеные скулы, бледная кожа, тонкие губы. Но когда он наклонился, она увидела: в его глазах нет зрачков. Там — тончайшая сеть, паутина из светящихся волокон, переливающаяся золотом и синью.

— Ты порвала мою основу, — сказал он тихо, и голос его звучал как скрежет веретена. — Я чувствовал твой страх за сотню вёрст. Ты упала с обрыва, который не видела. Ты бежала от моих стражей. И теперь лежишь здесь, истекая кровью, в моём лесу.

Он опустился на корточки, и Анна почувствовала запах льняного масла и сухих трав. Его пальцы — длинные, в мелких порезах — коснулись её лица, стирая снег со щеки.

— Не трогай! — выдохнула она, пытаясь отползти, но нога не слушалась, и каждое движение отдавалось сухой, ноющей болью.

Он усмехнулся. В этой усмешке не было тепла — только любопытство хирурга, вскрывающего живое существо.

— Слишком поздно, — прошептал он. — Я уже вплел тебя в свой узор в ту секунду, когда ты переступила границу моего леса. Теперь ты видишь меня, а я вижу твои сны. Я слышал, как ты кричала во сне прошлой ночью, — когда ещё не знала, что я существую.

Он провёл пальцем по её лодыжке. Боль исчезла — не постепенно, а мгновенно, будто кто-то перерезал невидимую струну. Анна потрясённо смотрела, как синяк под кожей бледнеет, превращаясь в бледно-жёлтое пятно.

— Я могу залечить твои кости, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Могу отогнать волков. Могу дать тебе тёплый кров и еду. Но нить, что связала нас, уже не разорвать. Она тоньше волоса, крепче стали. Если ты умрёшь здесь, в снегу, я почувствую это как потерю собственной руки.

Он протянул ладонь — открытую, с затянутыми рубцами на подушечках пальцев.

— Позволишь помочь тебе встать? — спросил он с лёгкой, почти насмешливой улыбкой. — Или предпочтёшь лежать здесь и ждать, пока серебряные стражи вернутся за добычей?

Анна смотрела на его руку. На бледную кожу, на белые шрамы, на нити в глазах, которые пульсировали в такт её сердцебиению. Она знала, что должна отказаться. Что этот человек — опасен, что волки подчиняются ему, что он не человек вовсе.

Но холод проникал под пальто. Снег таял на её щеках, смешиваясь с кровью из ссадины на лбу. И она взяла его за руку — тёплую, сухую, с мозолями на пальцах, как у старой швеи.

Он поднял её легко, будто она ничего не весила. Придержал за талию, когда она покачнулась. И Анна вдруг поняла, что её нога больше не болит — совсем. Как будто он вынул боль, завернул её в невидимую ткань и спрятал в карман своего кафтана.

— Меня зовут Велеслав, — сказал он, всё ещё удерживая её за талию. — Хотя для тебя я просто Ткач. А ты... ты та, кто порвала основу. Та, кто упала с обрыва, не увидев его. Та, кто смотрит на меня без страха, хотя в твоих глазах — ужас.

Он наклонился к её уху, и его шёпот обжёг кожу:

— Ты особенная, девочка. Таких, как ты, я не встречал три сотни лет. Поэтому я не дам тебе умереть. Ты будешь жить. Будешь ткать со мной. Будешь моими глазами... пока я не решу, что делать с тобой дальше.

— Анна, — выпалила, перебивая его. Голос дрожал, но она заставила себя смотреть ему прямо в эти жуткие паучьи глаза. — Меня зовут Анна. Не «ты» и не «девочка». Анна. Я — человек, а не вещь для твоей мастерской.

Ткач замер.

Его пальцы на её талии чуть сжались — не больно, но ощутимо. Он медленно, очень медленно, склонил голову набок, рассматривая её так, будто она вдруг заговорила на неизвестном языке.

— Анна, — повторил он с лёгкой усмешкой, пробуя имя на вкус. — Простое. Тёплое. Земное. Имя, которым называют дочерей в мире, где люди умирают от старости, а не от собственных ошибок. Хорошее имя. Подходящее для той, кто упадёт с обрыва, не глядя под ноги.

Он отпустил её талию и взял за подбородок, приподнимая её лицо к себе. Его большой палец провёл по её нижней губе, стирая капельку засохшей крови.

— Но здесь, в моём лесу, в моём доме, ты будешь не Анной, — продолжил он всё тем же тихим, вкрадчивым голосом. — Ты будешь моей Пряхой. Потому что имя, которое ты носила раньше, — это нить, сотканная другими людьми. Твоими родителями. Твоим миром. А я буду ткать тебе новую. С нуля.

Анна дёрнулась, пытаясь высвободиться, но его пальцы на её подбородке удерживали крепко — не грубо, но непреклонно.

— Меня зовут Анна, — повторила она, стиснув зубы. — И я не собираюсь быть твоей игрушкой, чтобы ты переименовывал меня, как куклу. Я не кукла. Я — искусствовед, я работала в музее, я знаю цену вещам. И ты — не хозяин мне.

Ткач улыбнулся — широко, почти ласково. Но в этой улыбке сквозило что-то хищное, и Анна вспомнила волков на краю обрыва. Они тоже улыбались так — перед прыжком.

— О, я знаю, что ты не кукла, — сказал он. Его рука скользнула с её подбородка на затылок, пальцы запутались в её мокрых, слипшихся от снега волосах. — Куклы не спорят с теми, кто держит их нить. Куклы не называют своего имени трижды, глядя в глаза чудовищу. А ты — споришь. И это делает тебя бесценной.

Он наклонился ближе, так что их лбы почти соприкоснулись. Анна чувствовала его дыхание — тёплое, с лёгким привкусом мёда и пряностей. И ещё — запах старой бумаги, пыльных свитков, чернил. Библиотека. Мастерская.

— Анна, — тихо, почти нежно произнёс он. — Ты будешь моей Пряхой. Это не обсуждается. Но если тебе так важно сохранить своё старое имя... носи его. Как тайну. Как украшение. Как напоминание о том, кем ты была, пока не стала моей.

Он отстранился, и в его глазах-паутине мелькнула искра — золотая, живая.

— Я запомню, как ты представилась. Потому что ты первая, кто сказал мне своё имя прежде, чем я спросил. Все предыдущие... — он сделал паузу, и его взгляд стал на мгновение пустым, — они молчали. Смотрели на меня с ужасом и называли себя, только когда я приказывал. А ты перебила меня. Ты назвала себя сама, как равная.

Его рука наконец отпустила её затылок, скользнула по плечу и взяла её ладонь. Он перевернул её руку и провёл ногтем по запястью, где пульсировала серебряная нить.

— Я запомнил, — повторил он, глядя на эту нить с почти благоговейным интересом. — И теперь ты тоже запомни: я не забираю имена. Я даю новые. А старые... они сторают со временем. Как ветхие ткани. Как старые судьбы. Но твоё... твоё я сохраню.

Анна сжала кулак, и серебряная жилка под кожей дрогнула, отозвавшись пульсацией в висках.

— Ты не сможешь переделать меня, — прошептала она, но в голосе уже не было былой твёрдости.

Ткач усмехнулся и махнул рукой в сторону замка, где серые нити стен переплетались с живыми корнями деревьев, образуя причудливый узор. Окна светились тёплым жёлтым светом, но в этом свете чувствовалось что-то неживое — слишком ровное, слишком правильное.

— Посмотрим, — сказал он, предлагая ей руку. — Идём, Анна. Я покажу тебе свою мастерскую. И если после этого ты скажешь, что я не могу тебя переделать... я, возможно, даже поверю.

Она смотрела на его протянутую руку — на шрамы на пальцах, на тонкие нити, что тянулись от его запястья в воздух, исчезая в снежном мареве.

Эти нити пульсировали, как живые, и Анна вдруг поняла — он всегда соединён с чем-то. С лесом. С замком. С ней теперь тоже.

Волки за их спинами бесшумно спустились с обрыва и окружили их полукольцом. Не рычали. Не нападали. Просто ждали.

Анна перевела взгляд с волков на Ткача. На его терпеливую, почти нежную улыбку. На серебряную нить под собственной кожей.

И, стиснув зубы, она вложила свою ладонь в его.

— Только из-за того, что здесь холодно и я устала, — сказала она. — И потому что я хочу найти способ вернуться домой. А ты — мой единственный шанс. Не потому, что я согласна. Ты понял?

Ткач кивнул, и его пальцы сомкнулись вокруг её ладони с той же осторожностью, с какой он, наверное, держал самую тонкую нить в своём станке.

— Конечно, Анна, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучала нотка... тепла? Нет. Удовольствия. — Конечно, ты не согласна. Но это пройдёт.

Он повёл её к замку, и снег под их ногами больше не хрустел — он расстился гладко, как только что сотканный холст. А за ними, на краю обрыва, остался её кровавый след на снегу. И в этот след медленно вплетались серебряные нити, затягивая алую ткань в причудливый узор.

Ткач улыбнулся, оглянувшись на эту картину.

— Первый урок, Пряха, — сказал он, не поворачивая головы. — Даже твоя боль может быть красивой. Если знать, как её спрясть.

Анна сжала его руку сильнее, чувствуя, как серебряная нить под её кожей пульсирует в такт его сердцу. И поняла: она только что заключила сделку с тем, кто не умеет проигрывать.

Но она тоже не умела сдаваться.

Глава 2. Дом из нитей.

дернулась — остро, почти болезненно. Анна отдернула руку и увидела, что на гобелене, прямо на месте её прикосновения, появилась тонкая трещина. Маленькая. Почти незаметная.

Но она была.

Анна поняла: она может менять этот мир. Так же, как он менял судьбы других.

И она решила, что будет ткать. Но не для него. Для себя.

За окном начал медленно опускаться вечер, и Анна знала, что этой ночью она начнёт тонкая трещина. Маленькая. Почти незаметная.

Но она была.

Анна поняла: она может менять этот мир. Так же, как он менял судьбы других.

И она решила, что будет ткать. Но не для него. Для себя.

За окном начал медленно опускаться вечер, и Анна знала, что этой ночью она начнёт свой путь.

Глава 3. Нить во тьме.

Домовой исчез, но воздух в комнате всё ещё казался плотнее, тяжелее, будто он оставил после себя невидимый след. Анна стояла неподвижно, прислушиваясь к себе. Где-то глубоко под кожей пульсировала серебряная нить — ровно, спокойно, как пульс спящего зверя.

Она перевела взгляд на гобелен.

Двенадцать женщин. Все красивые. У всех — длинные волосы, тонкие руки, опущенные глаза. Они стояли среди деревьев, будто ждали, когда их выпустят. Но глазницы у них были пустые — как у кукол, у которых вынули стеклянные зрачки.

— Простите, — прошептала Анна, хотя не знала, за что извиняется. — Я не хочу быть тринадцатой.

Гобелен молчал. Но Анне показалось, что одна из фигур — та, что стояла чуть в стороне, с руками, сложенными на груди, с инициалами "Е.А." на платье, — чуть заметно кивнула.

Она отшатнулась и села на кровать.

Шёлк был холодным и гладким, как вода. Анна провела по нему рукой и почувствовала, что ткань будто бы приникает к ладони, тянется следом. Живая. Всё здесь было живым, даже кровать.

— Спокойно, — сказала она себе вслух. — Ты искусствовед. Ты видела странные экспонаты. Это просто... средневековый текстиль. Очень качественный. Очень странный.

Она встала и начала осматривать комнату.

Сначала — стены. Они были обиты тканью, как и весь замок, но здесь узоры оказались проще: геометрические фигуры, переплетающиеся линии. Анна провела пальцем по одной из них — и узор дрогнул, сместился, будто испугался её прикосновения.

Потом — окно. Толстое стекло, за которым кружился снег. Анна прижалась лбом к холодной поверхности и увидела, что замок окружён паутиной — тонкой, серебряной, она опутывала башни, крыши, ворота, уходила в лес. Замок был не просто домом. Он был коконом.

Она отошла от окна и наткнулась на комод — массивный, резной, тоже из тёмного дерева. На крышке лежало зеркало, покрытое тонкой паутиной. Анна смахнула её и заглянула в отражение. Её лицо было бледным, на лбу засохла кровь, в волосах запутались снежинки. Но за её плечом, в глубине зеркала, мелькнула тень. Она резко обернулась — никого.

Она посмотрела в зеркало снова. Тень повторилась. Только теперь она была ближе.

— Нет, — сказала Анна, зажмуриваясь. — Мне просто кажется. Усталость, стресс, переохлаждение. Это галлюцинации.

Когда она открыла глаза, в зеркале была только она.

Но на стекле, в углу, кто-то выцарапал слово. Тонкими, почти невидимыми линиями.

"БЕГИ"

Анна замерла. Провела пальцем по буквам. Царапины были старыми — глубокими, запылёнными. Их оставили давно. Может быть, та, первая. Или вторая. Или двенадцатая.

Она открыла верхний ящик комода. Внутри лежала расчёска — костяная, с выпавшими зубьями. И обрывок ленты — серой, истлевшей, на которой всё ещё можно было различить вышитые инициалы: "М.Д."

Анна закрыла ящик. Открыла следующий. Там стояла пустая чернильница и перо с расщеплённым кончиком. Третий ящик оказался пуст, если не считать тонкого слоя пыли и... волос. Длинных, тёмных, чьих-то волос, застрявших в щели между досками.

Она поняла, что комод был не её. Он принадлежал предыдущей. И предыдущей до неё. И все они оставляли здесь следы — маленькие, беспомощные свидетельства того, что они были здесь, что они жили, что они пытались что-то сделать.

Анна закрыла последний ящик и отошла от комода.

Она подошла к станку.

Он стоял в центре комнаты, массивный и тёмный, как алтарь. Серебряные зубья поблёскивали в лунном свете. Анна протянула руку, чтобы коснуться его, но нить на запястье резко дёрнулась — так больно, что она вскрикнула.

— Не трогай его без меня, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. В дверном проёме стоял Ткач. Он был босиком, в тонкой белой рубашке, расстёгнутой у ворота, и выглядел почти человеческим. Почти уязвимым. Но его глаза-паутина светились в темноте.

— Я думала, ты ушёл, — сказала Анна, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я чувствую, когда ты приближаешься к нему, — ответил он, делая шаг в комнату. — Станок связан с тобой. С твоей нитью. Если ты дотронешься до него без моего разрешения... будет больно.

— Я уже поняла, — Анна потерла запястье, где ещё пульсировала тупая боль.

Ткач подошёл ближе. Его босые ноги ступали по каменному полу бесшумно — беззвучно, как у кошки. Он остановился в полшаге от неё и посмотрел на комод.

— Ты копалась в ящиках, — сказал он. Не вопрос. Констатация.

— Я искала расчёску, — соврала Анна. — У меня волосы спутались.

Он усмехнулся, и в этой усмешке не было злобы — только лёгкая насмешка, как у взрослого, наблюдающего за ребёнком, который пытается спрятать сломанную вазу.

— В том ящике, где ты нашла ленту с инициалами, расчёсок нет, Анна. Там только воспоминания. А воспоминания — они как нити: чем больше их трогаешь, тем быстрее они распускаются.

Он замолчал, глядя на неё с лёгким прищуром. Анна чувствовала, как его взгляд скользит по её лицу, изучая, оценивая. Она старалась держать лицо спокойным, но внутри всё дрожало — она боялась, что он прочитает её мысли, узнает о разговоре с домовым.

— Что ты ищешь, Анна? — спросил он, и голос его стал тише, проникновеннее. — Ты пришла в мой дом, осмотрела его, заглянула в ящики, коснулась гобеленов. Что ты хочешь найти?

— Я хочу найти способ вернуться домой, — честно ответила она, глядя ему в глаза. — Это единственное, что мне нужно.

Ткач шагнул ближе. Теперь между ними оставалось не больше ладони. Анна чувствовала его запах — льняное масло, сухие травы, и ещё что-то, что она не могла определить, что-то старое и глубокое, как подвал.

— Домой, — повторил он, и в голосе его появилась странная грусть. — Ты думаешь, что там есть что-то, чего нет здесь?

— Там моя жизнь, — ответила Анна. — Мои друзья. Моя работа. Моё прошлое.

— А твоё будущее? — он склонил голову набок, и его глаза-паутина мерцали в полумраке. — Ты знаешь, что будет с тобой там? Что ты умрёшь старой, забытой, оставив после себя несколько картин в музейном архиве, которые никто никогда не увидит?

Анна сжала кулаки.

— Это моя жизнь. Я хочу её прожить. А не стать частью твоей коллекции.

Ткач замер. Его лицо стало серьёзным, и в глазах мелькнуло что-то — боль? Удивление?

— Коллекции? — переспросил он тихо. — Ты видела гобелен с женщинами, да? В своей комнате.

— Да, — ответила Анна, и голос её дрогнул. — Кто они? Кем они были?

Ткач помолчал. Анна видела, как его пальцы сжались в кулаки, как на лице промелькнула тень — будто он решал, сказать правду или солгать.

— Они были Пряжами, — сказал он наконец. — Как и ты.

— И что с ними случилось? — спросила Анна, хотя уже знала ответ.

Ткач посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах-паутине мерцали серебряные искры, и Анна поняла — он знает, что она уже знает. Или, по крайней мере, догадывается.

— Они перестали быть полезными, — ответил он. — Их глаза устали видеть. Их руки перестали чувствовать нити. Они... износились.

— Износились, — повторила Анна, и в голосе её прозвучала горечь. — Ты говоришь о людях, как о ткани.

— Потому что люди — это ткань, Анна, — ответил Ткач, и его голос стал твёрже. — Мы все сотканы из нитей. Из судеб. Из воспоминаний. Из боли. И когда нити изнашиваются... их можно переплести. Или заменить.

— Ты заменил их, — сказала Анна, глядя ему в глаза. — Ты нашёл новых. Меня.

— Я не искал тебя, — ответил Ткач, и в голосе его мелькнула странная искренность. — Ты пришла сама. Ты упала в мой лес, как падает звезда. Я не звал тебя, Анна. Но ты здесь.

Он сделал шаг назад, и его лицо снова стало непроницаемым.

— Спи, — сказал он. — Завтра мы начнём работать. И, возможно, ты увидишь, что дом — это не то место, где ты родилась. Это то место, где тебя ждут.

Он повернулся и направился к выходу, но у двери остановился.

— Анна, — сказал он, не оборачиваясь. — Будь осторожна с тем, что ты ищешь. Иногда ответы, которые мы находим... они хуже вопросов.

Он вышел, и дверь за ним закрылась с тихим шелестом.

Анна осталась одна.

Она стояла посреди комнаты, сжимая руку на запястье, и пыталась унять дрожь. Она не знала, что страшнее — его угрозы или его забота. Его равнодушие или его внимание. Он сказал, что она пришла сама. Но он знал, что она здесь. Он знал о ней больше, чем говорил.

Она подошла к кровати и села на край. Шёлк был всё так же холоден. Анна легла, натянув покрывало до подбородка, и уставилась в потолок.

Потолок был тканым. И на нём, если приглядеться, тоже был узор. Только на этот раз — не охотники, не деревья, не женщины с пустыми глазами.

На потолке была выткана карта. Не географическая — магическая. Серебряные нити пересекались, образуя линии, которые пульсировали в такт её дыханию. Анна проследила взглядом одну из них — она тянулась от её кровати вверх, к центру потолка, а оттуда расходилась на двенадцать ветвей.

Двенадцать.

Она считала их, пока не сбилась со счёта. И на каждой ветке висела бусина — тёмная, матовая, будто высохшая ягода. Анна поняла, что это не бусины. Это узлы. Узлы судеб. Узлы предыдущих муз.

Она зажмурилась. Серебряная нить на запястье пульсировала в такт потолочным линиям, и Анна чувствовала — карта тянется к ней. Она — тринадцатая бусина. Тринадцатый узел.

Анна прошептала в темноту:

— Я не стану твоим узлом, Велеслав.

И в ответ ей показалось, что карта на потолке дрогнула. Или это ветер качнул ткань.

Анна провалилась в сон без сновидений — тяжёлый, липкий, как свежесотканный холст. Но перед тем, как сознание окончательно померкло, она услышала шёпот. Тонкий, как нить, он пробирался в ухо:

— Ты уже стала.

Она открыла глаза, но в комнате никого не было. Только тишина и пульсирующая нить под кожей, которая пульсировала всё быстрее, быстрее, быстрее... пока Анна снова не провалилась во тьму.

Анна провалилась в сон, но он не принёс облегчения.

Сначала была тишина. Глубокая, вязкая, как смола. Она плыла в ней, не чувствуя тела, и думала, что это смерть. Но потом тишина сменилась звуком — монотонным, ритмичным.

Тук-тук-тук.

Стук дерева. Где-то далеко, но приближающийся.

Анна открыла глаза.

Она стояла в той же комнате. Та же кровать, тот же станок, тот же гобелен на стене. Но всё выглядело иначе — цвета поблекли, воздух стал плотным, как старая ткань, и пахло пылью, воском и чем-то сладким — тлением.

— Ты не должна была приходить сюда, — раздался голос.

Анна резко обернулась.

На кровати сидела женщина. Молодая, тонкая, с длинными тёмными волосами, которые лежали на плечах, как две змеи. Её платье было старым, выцветшим, с вышивкой по вороту — той же, что Анна видела на ленте в комод. Инициалы "М.Д."

— Ты... ты та, из комода, — выдохнула Анна.

— Мария Дмитриевна, — кивнула женщина. — Двенадцатая. Последняя перед тобой.

Она улыбнулась, и в улыбке её не было горечи — только усталость.

— Я знаю, — сказала Анна, делая шаг к ней. — Домовой рассказал мне. О вас всех. О том, что он делает.

Мария кивнула, и тени в комнате дрогнули.

— Я знаю, что он приходил, — сказала она тихо. — Я чувствовала его присутствие. Он всегда появляется, когда появляется новая Пряха. Он надеется, что кто-то из нас сможет выжить.

— А ты не смогла? — спросила Анна.

Мария покачала головой.

— Я пыталась. Я нашла прялку. Я спустилась в подвал. Я села за неё... и поняла, что это не ключ. Это ловушка. Тот, кто садится за неё, принимает правила игры. Ты не сможешь выплести свою судьбу, потому что он уже соткал её для тебя. Ты можешь только переплести — изменить узор, но не вырваться из него.

— Тогда что мне делать? — в голосе Анны проскользнуло отчаяние. — Остаться здесь и ждать, пока он убьёт меня, когда я состарюсь?

Мария поднялась с кровати. Она была почти невесомой — её ноги не касались пола, а платье струилось, как дым.

— Послушай меня, Анна, — сказала она, приближаясь. — Он не просто так держит нас. Мы — его глаза. Каждая из нас видела то, чего не видел он. Ошибки. Трещины. Незавершённые линии. Без нас его творения были бы мёртвыми. Поэтому он ищет новых Прях. Он их коллекционирует.

— Я знаю, — прошептала Анна. — Домовой сказал.

— Но он не сказал тебе главного, — Мария наклонилась к её уху, и голос её стал шёпотом, холодным, как зимний ветер. — Ни одна из нас не пыталась его убить. Мы боялись. Мы хотели сбежать, но ни одна не решилась перерезать его нить. А ты — ты другая. Я видела это в твоих глазах, когда ты смотрела на гобелен с нами. Ты не боишься его так, как боялись мы.

Анна сглотнула.

— Я не могу его убить. Я не убийца.

— Тогда он убьёт тебя, — сказала Мария, и в голосе её появилась сталь. — Как убил меня. Как убил остальных. Мы все верили, что сможем его переубедить. Что любовь спасёт. Но его сердце — это нить, которая не чувствует. Он не человек, Анна. Он — ткач. Ему нужны только глаза.

Она протянула руку и коснулась лица Анны. Прикосновение было ледяным, но не болезненным — скорее, похожим на прикосновение мокрой ткани.

— Я пришла, чтобы сказать тебе одну вещь, — прошептала Мария. — Когда ты сядешь за его станок в первый раз, он покажет тебе своё прошлое. Каждую Пряху он вплетает в себя. Ты увидишь нас. Ты увидишь его. И если ты сможешь найти его слабость — в той самой ткани, что он соткал в начале, — ты сможешь его уничтожить.

— В начале? — переспросила Анна.

— В его первой основе, — кивнула Мария. — Она хранится в подвале. Но не той, где прялка. Там — другая. Там — ковчег. Его первый шедевр. Если ты разорвёшь его, он умрёт.

Комната вокруг них начала меркнуть. Ткани истончались, свет угасал, и Анна почувствовала, что просыпается.

— Мария! — крикнула она. — Как мне спуститься в тот подвал? Где он?

Мария улыбнулась — печально, почти ласково.

— Ищи дверь за гобеленом с белым оленем, — сказала она. — Он слышит, но он не говорит. Он просто ждёт, пока кто-то достаточно смелый откроет его.

Её силуэт начал растворяться.

— И будь осторожна, Анна, — добавила она, уже исчезая. — Ткач чувствует сны. Если ты запомнишь слишком много, он узнает, что я приходила. И тогда... — она замолчала, — ...тогда я стану ковром у его порога.

Она исчезла.

Анна осталась одна в тускнеющей комнате. А затем снова наступила тишина.

Анна проснулась от холода.

Она лежала на кровати, и серый шёлк покрывала успел нагреться от её тела, но по коже пробежал холодок — будто кто-то только что коснулся её ледяной рукой. Она села, прижимая ладонь к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Сон был слишком реальным.

Она посмотрела на комод. Ящик, где она нашла ленту с инициалами, был приоткрыт. Анна замерла. Она точно закрывала его. Она помнила, как задвигала его со стуком, когда Ткач вошёл.

Она встала и подошла к комоду. Внутри лежала та же лента, та же расчёска. Но теперь рядом с ними — новый предмет. Маленький, стеклянный, на серебряной цепочке. Кулон.

Анна взяла его в руки. Это была бусина — матовая, тёмная, похожая на ту, что она видела на карте потолка. Только внутри неё что-то мерцало. Она поднесла кулон к окну — в лунном свете внутри бусины проступил силуэт. Женщина. С длинными тёмными волосами.

— Мария, — прошептала Анна.

Кулон дрогнул в её руке, и на мгновение Анна почувствовала тепло — как будто кто-то сжал её пальцы в ответ.

Она надела кулон на шею. Он был холодным, но приятно тяжёлым, и когда он коснулся её кожи, серебряная нить на запястье пульсировала тише, спокойнее.

Анна подошла к двери. Она была не заперта. Конечно, Ткач не запирает её — ему не нужно было.

Она выглянула в коридор. Длинный, пустой, с ткаными гобеленами на стенах. В самом конце, там, где коридор поворачивал, она увидела его. Гобелен с белым оленем. Он висел на видном месте, и олень смотрел на неё стеклянными глазами, вышитыми серебряными нитями.

Анна сделала шаг в коридор.

И в этот момент серебряная нить на её запястье резко дёрнулась — острой, режущей болью, которая пронзила руку до плеча. Она вскрикнула и прижала запястье к груди.

— Не сейчас, — прошептала она, глядя на гобелен. — Я знаю, что ты слышишь. И я приду. Но не сейчас.

Она отступила в комнату и закрыла дверь.

Сердце колотилось, но она чувствовала, что сделала первый шаг. Она знала, где искать. Она знала, что нужно делать.

Она зажгла свечу, стоявшую на подоконнике, и села за стол. Перед ней лежал обрывок пергамента, который она нашла в ящике, и рассыпавшиеся чернила. Она обмакнула перо в остатки чернил и написала одно слово:

«Станок»

Потом ниже:

«Подвал за оленем»

И наконец, в самом низу:

«Его первая основа — его смерть»

Она спрятала лист под матрас и погасила свечу.

В темноте Анна лежала на кровати, сжимая кулон с душой Марии, и чувствовала, как серебряная нить пульсирует медленнее, довольнее.

Она не знала, сколько у неё времени. Может быть, день. Может быть, неделя. Но она знала, что не станет тринадцатой.

И когда за окном занялся серый рассвет, Анна была готова к первому уроку за станком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.